

Ю. А. Башкатова

Кемеровский государственный университет

Символические признаки соматических концептов

Аннотация: Исследуются символические признаки в структуре соматических концептов как единиц соматического кода русской и английской лингвокультур. Наряду с языковой семантикой, соматизмы характеризуются дополнительной культурной семантикой – определенной символической значимостью, утвердившейся в мировой культуре и имеющей свое преломление в представлениях национально-культурной общности. Регулярно замещая культурный символ в дискурсе, соматизмы, будучи репрезентантами символического значения, сами становятся символами. Символ – это продукт человеческого сознания. С древнейших времен человек прибегал к символизации окружающего его мира, таким образом, символ выступает специфическим элементом кодирования культурного пространства. Материалом исследования послужили конструкции с лексемами, обозначающими различные соматические объекты, собранными из авторитетных английских и русских словарей и национальных корпусов русского и английского языков.

The paper deals with the symbolic features in the structure of somatic concepts as units of somatic codes of Russian and English linguocultures. Along with the language semantics, somatisms are characterized by additional cultural semantics – a definite symbolic meaning established in the world culture and reflected in the views of the national-cultural community. Regularly replacing the cultural symbols in the discourse and being representatives of the symbolic meanings, somatisms become symbols themselves. A symbol is the product of the human mind. From ancient times man resorted to symbolizing outward things. Thus, the symbol manifests itself as a specific element of coding the cultural space. Used as data for the research were structures with lexemes, denoting different somatic objects, taken from authoritative English and Russian dictionaries as well as from national corpora.

Ключевые слова: соматический код культуры, соматизмы, лингвокультура, культурный смысл, концепт, этнокультурная специфика, телесная метафора, концептуальные признаки.

Somatic code of culture, somatisms, linguoculture, cultural meaning, concept, ethnocultural peculiarity, body metaphor, conceptual features.

УДК 81

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, кафедра английской филологии № 2. Тел. (3842) 583497. E-mail: stbua@mail.ru

Тело человека издревле является источником познания и осмысления мира: знания и наблюдения человека о себе самом переносятся на окружающую действительность. Наименования частей человеческого тела, специфичные для них свойства, характеристики, которые, помимо «называния», несут в себе значимые для культуры смыслы, и образуют *соматический код культуры*.

За единицу изучаемого кода культуры мы принимаем *соматический концепт*. Стоит отметить, что концепт – знак не только языка, но и культуры – воплощает в себе и транслирует символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления. «Концепт – архетип культуры, первосмысл, первообраз, который постоянно возобновляет духовные запасы народной ментальности. Концепты также реальны, как реальны элементарные частицы, которых никто не видел, как гены, которые видят опосредованно. Опосредованно мы знаем и концепт, который явлен в своих содержательных формах: в образе, в понятии, символе» [Колесов, 2004, с. 19]. Таким образом, в нашем исследовании, соматический концепт понимается как культурный знак в рамках соматического кода.

Для анализа соматических концептов мы используем методику концептуального анализа, принятой Кемеровской школой концептуальных исследований. Данный анализ проводится в несколько этапов: анализ внутренней формы слова-репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор и метонимий (образных признаков концепта), описание способов категоризации концепта через поиск функциональных и ценностно-оценочных признаков, анализ лексического значения слова-репрезентанта концепта и описание синонимического ряда лексем-репрезентанта концепта, выявление символических признаков и исследование сценариев (подробнее см.: [Пименова, 2003]).

В данной статье речь пойдет о выявлении символических признаков соматических концептов. Материалом исследования послужили конструкции с лексемами, обозначающими различные соматические объекты, собранными из авторитетных английских и русских словарей и национальных корпусов русского и английского языков. В работе используется метод концептуального анализа, дистрибутивный метод, сравнительный и сопоставительный методы, метод анализа словарных дефиниций.

Символ – это продукт человеческого сознания. С древнейших времен человек прибегал к символизации окружающего его мира, таким образом, символ выступает специфическим элементом кодирования культурного пространства. Будучи бесконечно воспроизводимым в речи, означенный в языке символ наиболее эффективно осуществляет мнемоническую функцию культуры, воспроизводя в речи некий культурный смысл, не давая ему исчезнуть, развивая и обогащая его теми или иными оттенками значения в различных речевых практиках.

Языковые символы имеют архетипическую природу. Они объединяют разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре [Маслова, 2001]. Образный аспект, или внутренняя форма слова, согласно В. Фон Гумбольдту, высвобождает из границ формализованный языковой смысл и оживляет значение слова. Содержательной основой знака в языке является значение, а содержательной основой символа – образ; увидеть и понять образ можно лишь отвлечшись от языкового значения, выйдя в культурный контекст.

У символа богатый импликационал и бесконечность границ смысловой интерпретации. Перспективность видения символа в контексте оборачивается широтой смыслового варьирования. По словам М. Л. Ковшовой, «символы – это знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов [2013, с. 216].

Кодирование культурного пространства посредством символов человек начинает с самого себя, поэтому различные соматизмы выполняют функцию символов.

Изучение символических значений соматизмов началось с описания жестовой символики. В работе Г. Е. Крейдлина жесты, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста

ста, называются эмблемами, или эмблематическими кинемами. Среди них выделяются символические жесты, или символы [2001, с. 198].

Г. Е. Крейдлин полагает, что по аналогии с тем, как незнакомое поведение может стать знаковым в процессе семиотизации, так и эмблематические жесты могут переходить в другой класс под воздействием процесса символизации, превращаясь в жесты-иконы, жесты-индексы и жесты-символы. Данный процесс получает свое отражение в языке, например во фразеологических единицах, которые имеют значение, производное от значения того или иного жест, и символьную функцию, приобретенную жестом в процессе культурной эволюции; например, *ломать руки; стоять с протянутой рукой; приложить палец к губам; wring your hands; throw one's hands up; come / go cap in hand*.

Символическая функция кинетических фразеологизмов связана с символизацией денотата, когда «переведенный на язык вербальных знаков жест символизирует определенное состояние или действие лица [Черданцева, 1988, с. 84].

По мнению Т. З. Черданцевой, «специфика языкового символа состоит в мотивации языкового знака, связанной не с переносом значения, как то характерно для тропов, а с картиной мира, фоновыми знаниями, прагматикой в широком смысле слова» [1988, с. 83]. По мысли автора, «в семантически нейтральном слове-компоненте образуется некое потенциальное значение, которое мы назвали символом, а ранее фразеологически обусловленным значением, поскольку оно реализуется во фразеологических единицах. Такого рода символы можно было бы назвать потенциальными значениями слов.

Так, например, фразеологизмы с соматизмом *кровь* Т. З. Черданцева рассматривает как средство описания внутренних процессов организма человека, связанных с внешними раздражителями. Символизация заключается в декодировании внешних симптомов (цвет лица, в частности) в пространстве культурного знания [1988].

Важнейшим критерием символическости компонента идиомы Н. И. Черкасова считает его участие в смысловой парадигме: *не покладая рук, чужими руками, набивать руку, руки отваливаются, приложить руку, иметь руку, связывать руки, протянуть руку, руки прочь, руки коротки, держать себя в руках, прибрать к рукам* и др. «Компонент с символическим прочтением избирает средой парадигму, обретая свойства символа *sui generis*» [1991, с. 96]. И. Н. Черкасова пишет о возможности вырастания символа из ключевой метафоры (образ, лежащий в основе такой идиомы, схематизируется, связь со значением делается менее органичной) и указывает на пример парадигмы с компонентом *нос* как символом малого состояния: *не видеть дальше своего носа, перед носом, под носом, из-под носа* [Там же, с. 97].

Части тела, играя символическую роль в мифопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Так, актуальное для русского менталитета переносное значение лексемы-репрезентанта концепта «спина» (и ее синонимов «горб» и «хребет») как символа труда и физической энергии зафиксировано в целом ряде пословиц и устойчивых выражений: *Работать не разгибая спины. Горбить спину. Ломать спину. Добывай всяк своим горбом. Живи всяк своим добром, да своим горбом. Достают хлеб горбом, достают и горлом. Горбок, а горбок, подай денег в оброк! От работы (от сохи) не будешь богат, а будешь горбат. Мужик не живет богат, а живет горбат. Всё вынес на своем хребте* [Даль].

Спина «принимает мзду» за провинности человека: *Руки виноваты, а спина отвечает. Была бы спина, найдется и вина. Вор не бывает богат, а бывает горбат. Спина-то наша, а воля-то ваша. Спина чешется. Нет мошны, так есть спина* (о мерах против неисправимых должников). *Какова широка спина есть, столько ремня и ляжет* [Даль].

Для русской языковой картины характерно наличие устойчивых выражений, характеризующих поведение человека, занимающего в обществе зависимое положение, типа: *гнуть спину, хребет* (перед кем) – унижаться, заискивать, раболепствовать; *Тело Государево, душа Божья, а спина барская. У меня уж хрящи срослись, хребет не гнется, о поклонах. Барин говорит горлом, а мужик горбом, работает, кланяется, а его бьют* [Даль].

Нередко спина у русского человека болит: от работы (*спина отваливается*), от побоев (*Хотя спинушка набита, Дак сударушка нажита; Хотя спинушка болит, Сударушка говорит, Вечерком ходить велит*), на погоду (*Спина болит, погоду сулит*), от поклонов (*Она за батюшку Богу молилася, Она сто поклон положила; Отъ того у нее спинушка заболела, Головушка заломила*), от пьянства (*С пива и вина болит спина*), от праздности (*Тит, поди молотить! – Спина болит. – Тит, поди вино пить! – Дай кафтанишко захватить! – Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, пойдем пить! – Бабенка, подай шубенку!*) [Даль, ФЭБ].

В английской лингвокультуре спина символизирует терпение, усердие и трудоспособность: *put their back into it, break one's back, have a broad back* [АНDEL]. Этноспецифичным для английского языка является представление о спине как об области осознания долга и собственных недостатков: *be on sb's back, get sb off your back, a monkey on sb's back* [АНDEL].

Во многих английских идиомах упоминается уязвимость спины: *watch one's back, with one's back up against the wall, stab one in the back, cover your back*. Спина также связана с представлением о неискренности отношений, что зафиксировано в большой группе фразеологизмов английского языка: *be glad/happy/pleased etc. to see the back of sb/sth, behind sb's back, turn your back on sb, when/while sb's back is turned, break sb's back* [АНDEL] (ср. с рус. *За спиной у кого-л. (чьей-л.) делать что-л., нож, удар в спину, повернуться спиной к кому-, чему-л.*).

Спина, а точнее, хребет – опора, суть, а также символ храбрости и твердости характера в обоих языках: *He could never have been a great man for his character was destitute of backbone* (ср. *бесхребетный, становой хребет*). В обеих лингвокультурах спина воспринимается как надежная защита: *Жить (или сидеть, быть и т. п.) за чьей-л. спиной, за спиною, что за стеною; to back, to back up (I'll back you up in your demands)*.

Соматизм «лопатка», будучи частью спины, несет культурный смысл уязвимости. «Противопоставление перед и зада, будущего и прошлого, зрелости и отсталости, прогресса и регресса подтверждает превосходство передней стороны (взгляд, движение, инициатива, смелость) над презируемой и смущающей душу тыльной стороной – слепой, всеми покинутой и забытой» [Энниг, 2006, с. 149].

Класть (положить) на обе лопатки означает положить на спину плашмя (в борьбе) (*Увидите, что я его через три минуты положу на обе лопатки. Куприн*); и в переносном смысле – *принудить кого-л. признать себя побежденным. (Теперь же всему району видно, что я Рагулина опережаю, можно сказать, кладу этого скрягу на обе лопатки. Бабаев)* [НКРЯ]. В отличие от русского, в английском языке лопатки не получили сколько-нибудь заметных культурных коннотаций. Однако семантика принуждения может быть передана другими соматизмами: *stack one's opponent on his shoulders and be flat on one's back*.

Благодаря свойству сгибаться, клониться *выя (шея)* часто символизирует гордость, упрямство (*Но они и отцы наши упрямятствовали, и шею свою держали упруго, и не слушали заповедей Твоих* (Неем. 9:16) [БЭБ]), или подчинение: «*Склонять / склонить, сгибать / согнуть и т. п. выю перед кем-л. – покоряться, подчиняться кому-л.*» (*Перед сатрапом горделивым Израиль выи не склонил. Пушкин*). *Гнуть шею (перед кем-л.)* – унижаться, раболепствовать; угождать, заискивать. – *Неволя заставила его жениться, неволя заставила гнуть шею перед батюшкою, перед всем приходом* (Гл. Успенский) [Фразеолгия.ру].

Лексема *хомут*, т. е. надеваемая на шею часть конской упряжи, строго говоря, не является синонимом *шеи*, но в своем переносном значении употребляется для обозначения обузы, неприятных забот (*у него хомут на шее; как хомут на шее; надел на себя хомут*). С данным культурным смыслом связан ряд пословиц и фразеологизмов с компонентом *шея*: *навязать (посадить и т. п.) на шею (чью-л., кому-л.); навязаться на шею (чью-л., кому-л.); сесть на чью-л. шею, кому-л. на шею; сесть на чью-л. шею, кому-л. на шею; сидеть, быть и т. п. на шее у кого-л., на чьей-л. шее; сбросить (сбыть и т. п.) с шеи кого-л., что-л.; на свою шею (брать, взять и т. п.); надеть петлю на себя (или на шею кому); гиря (на шее); камень (жернов) на шее*.

Согласно Библейской энциклопедии Брокгауза, ярмо, которое «возлагалось» на шею или на затылок, было символом подчинения (Втор. 28:48; Иер. 27:2; 28:14; Деян. 15:10): Ср.: *Ведь если ставить это дело по-промышленному – огромные капиталы нужны. Вот и выходит, что найдем мы с тобой золото, а воспользуется нашей находкой какой-нибудь богатый промышленник, вроде Кузьмина, да нам же на шею ярмо и повесит* (Г. М. Марков) [НКРЯ].

Концепт *шея* фигурирует в пословице о супружестве: *Муж – голова, жена – шея, куда захочет, туда и повернет*. Это означает, что хотя муж есть глава дома, хозяйкою его обыкновенно бывает жена. Куда шея (жена) захочет, туда голова (муж) и поворачивается, гласит народная мудрость.

Шея участвует во многих поведенческих актах и различных действиях человека. Например, фразеологизм *вешаться, бросаться и т. п. на шею кому-л.; виснуть, висеть и т. п. на шее у кого-л.* означает 1) «бросаться в объятия, крепко обнимать кого-л. (обычно за шею)». 2) «навязываться мужчине, настойчиво добиваться его расположения, любви (о женщине)».

Будучи связанным метонимически с такими частями тела, как шея и спина, затылок также наделяется культурной семантикой уязвимости: *ударить по затылку, стрелять в затылок, пуля в затылок. В лагерях их встречали оркестром и перво-наперво вели в баню, на медосмотр к квалифицированным специалистам, которые поодиночке стреляли им в затылок* (Василь Быков. Бедные люди (1998)) [НКРЯ].

Английский язык зафиксировал представление о затылке как об уязвимой части тела во фразеологизме *by the back of the neck. He grabbed me by the nape of the neck and told me not to turn around if I valued my life. I stood very still. If you do that again, I'll pick you up by the nape of the neck and throw you out the door* [BNC]. Сравните: русские фразеологизмы, в которых фигурируют синонимы слова «затылок», – *схватить за шкуру (за загривок)*, в которых присутствуют зооморфные признаки.

Образ фразеологизма *в затылке или затылок чесать* основан на символизации жеста: человек, чешущий в затылке, как правило, испытывает затруднительное положение, либо выражает недоумение, озадаченность. *Крепко затылки чесали они: каждый подрядчику должен остался* (Некрасов). *Братья молча постояли / Да в затылке почесали. / – Спрос не грех. / Прости ты нас, / – Старший молвил, поклонясь* (Пушкин) [НКРЯ].

«Большой словарь русских поговорок» фиксирует несколько ироничных употреблений данного соматизма: *Искать на затылке вши* (старательно, но безрезультатно искать что-л. *Врозь затылком* (в разные стороны (пойти)). *Стирать затылком наволочки* (бездельничать, лежать в постели). *Бить по затылку бутылку за бутылкой* (о длительной, интенсивной выпивке). *Показывать / показать затылок* (уходить, убежать откуда-л.) [БСРП].

Пуп человека, при своей кажущейся незначительности, также оброс целым рядом культурных ассоциаций и символических значений. Древние считали пупок центром человеческого тела, его серединой. Так, например, Витрувианский

человек – рисунок, нарисованный Леонардо да Винчи, представляет собой тело человека, списанное в круг и квадрат, с центром в пупе.

Представления о Земле как о теле привели к появлению понятия *Пуп земли* – космологического понятия центра мира в различных религиозно-мифологических традициях. *Иерусалим есть пуп земли* [Даль]. В ироническом смысле идиома *пуп земли* употребляется о ком-л., о чём-л., являющемся (а чаще – считающем себя) центром, средоточием чего-л., самым важным на свете [БСРП]. Переносное значение «центр» лексемы «пуп» зафиксировано во многих языках мира, включая английский и русский.

Основные группы культурных смыслов, носителем которых являются соматизмы *зубы* и *teeth*, связаны с возрастом, понятием жизненной силы. Так, например, в обоих языках есть пословицы и идиомы, в которых прослеживается ассоциативная связь «зубы – возраст»: *молочные зубы*, *milk tooth* – юный возраст; *to be long in the tooth*, *Съела бабушка зубы, а остались язык да губы. У него еще зубы не сменились* – говорят о ребенке, которому еще нет 5–7 лет; *у него уже давно сменились зубы* – значит, это уже не дитя, а мальчик или девочка. Старый же человек, лишившийся зубов, утрачивал силу и считался «слабым», как младенец, ср. рус. фразеологизмы *поглядеть кому в зубы*, т. е. узнать его лета; *мы на этом зубах съели*, т. е. пожили и приобрели жизненный опыт.

Для русского менталитета характерно употребление переносного значения зубов как жизненного опыта, приобретения знаний, навыков, мнений. Оно мотивировано и обусловлено универсальным, вероятно, архетипическим метафорическим уподоблением восприятия информации и поглощения пищи, ср.: *впитывать знания*, *грызть гранит науки*, *пуд соли съесть*, *собаку съесть* и др. Указанное значение представлено в различных фразеологизмах: *пробовать на зуб*, *по зубам*, *не по зубам*. В английском языке встречается употребление концепта «зуб» в сходном значении: *cut one's eyeteeth on*.

Наиболее очевидна связь зубов со смехом: смеясь, человек обнажает зубы, отсюда – *Полно зубы скалить!* (насмехаться); *И волк зубоскалит, да не смеется. Поднять кого на зубки. Попасть кому на зубы. На долгие зубы не натянешь короткую губу* (о пересмешике).

И в английском, и в русском языке зубы выступают, как символ агрессии выступают как оружие нападения или защиты. Вероятно, здесь следует говорить об универсальной зооморфной метафоре, при которой поведение человека уподобляется поведению животных, а в животном мире именно зубы являются главным оружием: *gnash one's teeth*, *to show/bare teeth*, *to fight tooth and nail*; *показать зубы*, *иметь зуб на кого-то*, *точить зубы на кого-то*, *вооружен до зубов*. Кстати, зубы часто выступают в качестве эталона измерения (как, например, в последнем фразеологизме). Эта особенность является универсальной, ср., например, в английском языке: *to be armed to the teeth*, *fed up to the teeth*, *dressed to the teeth*.

Соматизм «зуб» упоминается в принципе талиона (библейском принципе наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причиненный преступлением): *око за око, зуб за зуб*; «*An eye for an eye and a tooth for a tooth*». Ценность зубов более актуальна для английского менталитета, что подчеркивается в выражении *give one's eyeteeth* (букв. «все отдать ради чего-то»).

В английском языке зубы связываются с образом силы, как человеческой, так и неодушевленной: например, выражение *'grit one's teeth'* означает буквально «стиснуть зубы», то есть собрать все силы для преодоления неприятной ситуации. Или *'give teeth to sth'* – сделать что-либо эффективным, сильным. Образ разрушительной силы представлен, например, в метафорическом выражении *teeth of the blizzard*.

В целом, параметры эстетической оценки зубов человека универсальны, вместе с тем, в зависимости от эталонных представлений, в разных культурах могут

по-разному оцениваться. В норме зубы человека должны иметь белый цвет, ровную, без изъянов, поверхность, симметричную форму и пропорциональный размер: *У нее были большие серо-голубые глаза и чудесные ровные белые зубы, которые делали ее улыбку необычайно привлекательной* (Н. Берберова) [НКРЯ]. *His smile was attractive, Morton thought, with his full mouth and white even teeth* (R. Harrison) [BNC].

Таким образом, соматические символы (образы, эталоны) в английском и русском языках, выступая стимулятором эмоциональной реакции, являясь основной экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются этноспецифичными. В зеркале символических признаков соматических концептов отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные, интеллектуальные действия и состояния, черты характера, отношение к другим людям, к себе, к вещам.

Сходства в области коннотации соматических символов в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, а также об определенной содержательной константе сопоставляемых языков.

Различие в области коннотации анализируемых признаков соматических концептов свидетельствует о различии путей, по которым развивались сравниваемые культуры. Специфический набор признаков, отражающих образное переосмысление лексики, называющей части тела, в каждом языке своеобразен. Несовпадение соматических символов в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов (истории, культуры, религий, географии), что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

Как показало исследование, русская и английская картины мира отражают особенности мировосприятия русского и английского народов, обусловленные, с одной стороны, экстралингвистическими факторами: специфическими чертами исторического развития каждого народа, особенностями материальной и народной духовной культуры (мифы, поверья, обряды, обычаи, стереотипы мышления, национальная психология) русских и англичан, с другой стороны, особенностями русского и английского языков, по-разному категоризирующих одну и ту же объективную действительность.

Литература

- БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
- БЭБ – Библейская энциклопедия Брокгауза. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_bible/ (дата обращения 21.08.2013).
- Даль – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/> (дата обращения 21.08.2013).
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод в фразеологии: коды культуры. М., 2013.
- Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
- Крейдлин Г. Е. и др. Кинесика. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001. С. 166–248.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html/> (дата обращения 13.08.2013).
- Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта чувство в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Кемерово, 2003. С. 58–120. (Сер.: «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Фразеология.ру. URL: <http://www.frazeologiya.ru/> (дата обращения 20.08.2013).

ФЭБ – Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/folk.htm> (дата обращения 15.09.2013).

Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 78–92.

Черкасова И. Н. Символьный компонент в составе идиом // Макет словарной статьи для Автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991. С. 96–98.

Энниг Ж.-Л. Краткая история попы. М., 2006.

АНDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language, Fourth Edition copyright ©2000 by Houghton Mifflin Company. Updated in 2009. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (last accessed data 19.08.2013).

BNC – British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (last accessed data 14.09.2013).